

пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение» (стр. 9). При таком словоупотреблении происходит как бы столкновение двух рядов значений — реального и метафорического (ср. в «Отразительном писании»: «згорехом и горячее горе получихом; се гори, о горе и увы нам...»)⁵.

У Аввакума также наблюдается иногда тенденция к звуковой игре тавтологическими сцеплениями: «Оттоле в Риме и повсюду нача болезнь болети болезненно» («Книга бесед», стр. 276).

В следующем же эпизоде открывающая сказ о нем библейская цитата «...объяша мя болезни смертныя...» ведет за собой цепь словесных образов, гиперболически освещающих реальный в основе своей факт: «...до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и болши». И будто бы произвольное течение таких словосочетаний контрастно размыкает новая стилистическая формула библейских текстов: «...и паки оживе божим мановением» (стр. 10).

Любопытно, что это чудо, обостренное последовательным развитием словесного библейского образа, в другой редакции «Жития» (В) Аввакум, может быть, сам смягчает, заменив выражением «лежал в забытии» первоначальную фразу «лежа мертв».⁶

Если в этом стремительном движении слов из одного семантического гнезда, в этих острых столкновениях разных значений слов из одной и той же лексической сферы обнаруживается подвижность, живая действенность литературно-смысловых систем слов в художественном стиле Аввакума, то в неожиданных сопоставлениях выражений с ослабленной смысловой связью, слов и фраз из разных лексических гнезд проявляется острота его этимологического чутья, его живое поэтическое отношение к слову. Здесь для стиля Аввакума характерно сближение разошедшихся семантических рядов или слияние омонимических сфер, когда одно слово вызывает другое, фонетически близкое, иногда же и этимологически родственное, но уже успевшее дифференцировать свое значение и обособиться. От их сопоставления получается неожиданно новая смысловая окраска — рождается каламбур. Такая игра слов в «Житии» Аввакума ощутима, например, в этих сцеплениях: «Я и к обедне не пошел и обедать ко князю пришел» (стр. 46); «Книгу Кормчую дал прикащику и он мне мужика кормщика дал» (стр. 38); «Как поруга дело божие и пошел странною, так и бог к нему странным гневом!» (стр. 48—49); ср. в письме к Мелании: «...мене страннаго, устранишагося бога и человек, не отриньте от своего достояния» (стр. 401).

В таких случаях каламбур, основанный на этимологизации, как бы возвращает слову его «этимон», оживляет его забытое «коренное» значение, сливая два разделившихся лексических ряда. Фактически же получается семантическое «взаимоосвещение» двух омонимов, которое создает новые смысловые оттенки в значениях лексем.

Этимологизация с лингвистической точки зрения может быть ложной. Каламбур тем острее, чем менее он вытекает из привычных норм смысловых соотношений, чем он индивидуальнее. Поэтому неожиданное сопоставление неполных омонимов, которое вполне понятно только в данной ситуации, особенно поразительно. Например: «Два у меня сына в тех умерли нуждах, не велики были, да однако детки, пускай их, не где ся денут» (стр. 182); «Златоуст его (Антиоха) антихристом же зовет,

⁵ Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. — ПДП, в. 108. СПб., 1895, стр. 76.

⁶ См. мою статью «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума» (стр. 221—223).